

Глава первая

Ассам, Индия, 1904 год

— Пошел вон! — взревел Джон Белхэйвен из своего кабинета. — И унеси эту вонючую жратву!

— Но, сагиб¹, вам нужно поесть...

Раздался звон разбившейся о дверной косяк фарфоровой посуды.

— Отравить меня хочешь, да?! — пьяно заорал Джон. — Пошел вон, а то застрелю! Черт поберу, я не шучу!

Кларисса и Олив тревожно переглянулись в соседней комнате. Сквозь тонкие перегородки их одноэтажного дома хорошо было слышно каждое слово. Олив с округлившимися от страха глазами выронила смычок, услышав, как отец опять принялся бить тарелки. Сидевшая у камина Кларри вскочила со стула.

— Не волнуйся, я его успокою.

Она натянуто улыбнулась испуганной младшей сестре и бросилась к двери, едва не столкнувшись с Камалем, кхансамой-бенгальцем², поспешно ретирующимся из кабинета ее отца. На заросшем бородой лице застыло изумленное выражение. Вслед ему несся поток грубой брани.

— Сагиб не совсем в порядке. Разъярен как тигр, — сказал Камаль, быстро закрывая дверь.

Кларри дотронулась до руки старика. Камаль стал кхансамой ее отца еще во время его службы в армии, задолго до ее рождения. Бушующий за дверью пьяница — лишь бледная тень того

¹ Сагиб — господин. Обращение к знатному лицу, принятое в Индии. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Кхансама — слуга-мужчина в Индии, исполняющий обязанности повара и старшего среди прислуги.

энергичного и добросердечного человека, которого бенгалец знал в прошлом.

— Он, должно быть, раздобыл в деревне спиртное, — прошептала Кларри. — А говорил, что отправляется на рыбалку.

Камаль с сожалением покачал головой.

— Я прошу прощения, мисс Кларисса.

— В этом нет вашей вины, — проговорила она поспешно.

Они с встревоженным видом прислушивались к ругани Джона, швыряющегося подвернувшимися под руку предметами.

— Не нужно его винить, — сказал Камаль. — Все дело в лихорадке. Каждый раз во время приступа ваш отец напивается, чтобы притупить боль. Через несколько дней он будет в полном порядке.

Кларри была тронута преданностью слуги, однако они оба знали, что не только обострение болезни терзает Джона. Его пристрастие к алкоголю росло с того самого дня, когда во время ужасного землетрясения погибла его беременная третьим ребенком жена, раздавленная в кровати повалившимся деревом. В последнее время Джону не продавали спиртное в офицерском клубе в Шиллонге¹, и в собрании чайных плантаторов в Тезпуре отношение к нему было настороженным в те нечастые дни, когда он с дочерьми выбирался в город, чтобы посмотреть конные бега или другие спортивные состязания. Не имея больше возможности заказывать партии виски в Калькутте, свое отчаяние Джон глушил либо дешевым пойлом, которое покупал в деревнях Кхаси², либо опиумом.

— Идите, приготовьте чаю, — распорядилась Кларри, — и побудьте с Олив, она не любит оставаться в одиночестве. А я займусь отцом.

Ободряюще улыбнувшись Камалю, она глубоко вздохнула и решительно постучала в дверь кабинета. В ответ отец закричал на смеси английского и бенгали. Не испугавшись, Кларри приоткрыла дверь.

¹ Шиллонг — город на северо-востоке Индии, во времена описываемых событий столица штата Ассам.

² Кхаси — горный район в Индии и название населяющего его народа.

— Папочка, — произнесла она ласково, как называла его в детстве. — Это я, Кларри. Я могу войти?

— Иди к черту! — рявкнул Джон.

Кларри открыла дверь шире и проскользнула внутрь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, папочка, — продолжила она настойчиво. — И узнать, не выпьешь ли ты чаю перед сном?

В желтом свете масляной лампы Джон стоял, покачиваясь, посреди разбросанных вещей, словно человек, выживший после бури. Покрытые плесенью книги, сброшенные с полок, валялись по всей комнате попеременно с пюре из бобов и риса и осколками белого и синего фарфора, который так любила их мать. Под ногами Джона, на деревянном полу валялась жареная рыба. В комнате пахло спиртным и потом, несмотря на то что было довольно прохладно.

Стараясь не выказывать изумления, Кларри прошла дальше по комнате, молча переступая через месиво на полу. Любые ее замечания на этот счет сейчас только еще больше разозлили бы ее отца. Уже к утру он будет раскаиваться. Джон наблюдал за ней с подозрительностью, но гнев его постепенно утихал.

— Давай ты сядешь у камина, папочка, — уговаривала его Кларри. — Я сейчас опять его разожгу. У тебя усталый вид. Ты поймал сегодня рыбу? Ама говорила, что ее сыновья вчера удили в речке Ум-Ширпи большого карпа. Может, и тебе попробовать там завтра порыбачить? Я съезжу и посмотрю, хорошо?

— Нет! Не едь одна, — забормотал Джон невнятно. — Леопарды...

— Я всегда очень осторожна.

— И эти люди, — бросил он сердито.

— Какие люди? — Кларри увлекла отца к потертому креслу.

— Вербовщики... Они всюду вынюхивают. Чертовы Робсоны! — прорычал он.

— Ты говоришь об Уэсли Робсоне? — спросила Кларри, вздрогнув. — Из поместья Оксфорд?

— Ну да! — крикнул Джон, снова возбуждаясь. — Он хочет переманить к себе моих работников!

Неудивительно, что ее отец находился в таком состоянии. Хозяева крупных чайных хозяйств вроде Оксфорда не отличались разборчивостью, когда искали работников на свои обширные плантации. Кларри познакомилась с Уэсли Робсоном в прошлом году в Тезпуре во время игры в поло. Он был одним из дерзких молодых щеголей, самонадеянно полагающих, что, едва приехав из Англии, они знают об Индии больше, чем те, кто прожил тут всю свою жизнь. Отец Кларри сразу же его невлюбил, ведь этот молодой человек был одним из Робсонов из Тайнсайда¹. Это могущественное семейство начинало, как и Белхэйвены, фермерами-арендаторами, но быстро разбогатело на производстве паровых котлов и теперь вкладывало деньги в чайные плантации. Казалось, все, к чему прикасались Робсоны, становилось источником богатства. Робсоны и Белхэйвены рассорились много лет тому назад из-за какого-то сельскохозяйственного инвентаря.

— Ты встретил мистера Робсона? — обеспокоенно спросила Кларри.

— Он поставил палатку недалеко от Ум-Ширпи, — фыркнул Джон.

— Может, он просто приехал порыбачить, — предположила она, стараясь успокоить отца. — Если бы он вербовал работников на чайные плантации, то раздавал бы в деревнях деньги и опиум, словно хозяин этих мест.

— Он решил меня обанкротить, — не сдавался Джон. — Старик Робсон вел себя точно так же — он вытеснил моего деда из бизнеса. Никогда ему этого не прощу. И теперь они здесь, в Индии... в моей Индии. Они приехали сюда, чтобы добраться до меня...

— Не огорчайся, — сказала Кларри, усаживая отца в кресло. — Никто не вытеснит нас с этого рынка. Цены на чай скоро опять вырастут.

Джон сидел сгорбившись и угрюмо наблюдал за тем, как его дочь потихоньку раздувает угли в очаге и подкладывает хворост. Когда огонь снова ярко разгорелся, комната наполнилась сладковатым запахом сандалового дерева. Кларри украдкой взгля-

¹ Тайнсайд — область на северо-востоке Англии.

нула на отца. Он свесил голову на грудь и закрыл глаза. Кожа на его истощенном лице была покрыта морщинами, на голове почти не осталось волос. Несмотря на свою европейскую одежду, он больше походил на индийского йога, чем на превратившегося в чайного плантатора бывшего солдата.

Кларри опустилась на корточки, подкладывая дрова в огонь. У нее в ушах прозвучал мягкий укор матери: «Не присаживайся на корточки, как простая деревенская девочка, сиди как ле-ди, Кларисса!» Сейчас ей уже не всегда удавалось вызвать перед внутренним взором лицо матери, ее осторожную улыбку и внимательные карие глаза, темные волосы, стянутые в тугую узел на затылке. На столе у Джона стояла фотокарточка, на которой они все вместе пьют чай на веранде: маленькая Олив устроилась на коленях у отца, а непоседливая пятилетняя Кларисса, которой наскучило сидеть неподвижно перед фотокамерой, пытается вырваться из рук матери. Лицо матери изображено нечетко. Но она сохраняет спокойствие — стройная и красивая, с задумчивой полуулыбкой на губах.

Пожилая няня Ама говорила Клариссе, что с возрастом она становится все больше похожей на мать. У нее такая же смуглая кожа и большие карие глаза, как у Джейн Купер, в то время как у Олив рыжевато-русые волосы и светлая кожа Белхэйвенов. Сестры были совершенно не похожи друг на друга, только во внешности Клариссы проявилось индийское происхождение их матери-полукровки. И хотя девочки росли в Белгури затворницами, она все же знала, что в местном обществе выходцев из Британии их осуждали. Многие мужчины содержали любовниц-индианок, но ее отец нарушил рамки приличий, женившись на своей. Джейн Купер, дочь британского клерка и девушки-ассамки, работавшей на шелковой фабрике, была оставлена в католическом сиротском приюте, где ее выучили и затем направили в миссионерскую школу в Шиллонге.

Как будто этот поступок не был скандалом уже сам по себе, Джон пошел в нарушении приличий еще дальше, ожидая, что его дочери будут приняты в англо-индийском обществе, словно чистокровные английские барышни. И в довершение ко всему этот солдат-выскачка из какого-то медвежьего угла